

Социальная структура. Социальная политика

© 2016 г.

Т.Г.НЕФЕДОВА, У.Г.НИКОЛАЕВА, Н.Е.ПОКРОВСКИЙ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВНЕГОРОДСКОЙ РОССИИ

НЕФЕДОВА Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН (trene12@yandex.ru); НИКОЛАЕВА Ульяна Геннадьевна – доктор экономических наук, старший научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова (ynikolaeva@list.ru); ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института социологии РАН (npokrovsky@hse.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. Предложена современная концепция российской интеллигенции: внимание уделяется детализации понятия «интеллигенция» и рассмотрению объективных индикаторов ее положения в обществе. С использованием понятийного инструментария социальной географии воссоздаются траектории пространственной миграции интеллигенции из больших городов в сельскую местность (конец XIX-начало XXI вв.), рассматриваются такие явления как настороженное отношение интеллигенции к урбанизации, возникновение культуры восприятия природы и сельских традиций, увлечение дачным отдыхом. Показаны примеры формирования анклавов интеллигенции во внегородских пространствах. Позиционируя себя в пространстве, интеллигенция обозначает свою социальную роль и производит самоидентификацию.

Ключевые слова: интеллигенция • миграция во внегородскую среду • дачная культура и ее социальный смысл • анклав интеллигенции в удаленных деревнях

К определению понятий¹

Исторически сформировавшееся в конце XIX в. понятие «интеллигенция» входит в активный лексикон современной российской и международной социологии². И хотя полемика вокруг роли интеллигенции в российском обществе XXI в. не столь активна по сравнению с дискуссиями, которые велись в 90-е годы XX в., а еще раньше – на рубеже XIX–XX вв., проблемы исторического наследования культурных образцов, идеалов, паттернов поведения, поддержания «генетической» морали и национального самосознания, а также просветительства в широком смысле этого слова не могут не оставаться на повестке дня российского общества наших дней. Главную роль в формировании этой повестки дня играет интеллигенция.

Интеллигенция – исторически сложившийся в России общественный слой с неясно очерченными границами, главное занятие представителей которой создание и распространение культурных ценностей и образцов, – в широком нравственном контексте. Для представителей интеллигенции нравственные поиски стали своего рода социальным

---

¹Раздел написан Н.Е. Покровским и У.Г. Николаевой по проекту РНФ № 14-18-03784 РОО «Общество профессиональных социологов» «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия».

²Среди последних значимых публикаций в российской научной литературе: [Интеллигенция и власть, 2008; Интеллигенция..., 2010; Организация и самоорганизация..., 2013; Мыслящая Россия, 2009; Левичева, 2001; Попов, 2007; Романович, 2009; Budnik, 2014; Kochetkova, 2009; Zubok, Zhivago's, 2011]. Термин «интеллигенция» сравнительно широко используется в Польше, Болгарии, странах Балтии и редко в Западной Европе, США, что объяснимо тем влиянием, которое оказывала и оказывает российская интеллигенция на ближайших зарубежных соседей.

предназначением. Философствование, общемировая озабоченность, сложные сострадание и жертвенность, культ духовного начала, противоположного материальному – все это наиболее характерные черты интеллигенции. Она явилась на свет не потому, что российские культурные традиции обладали особым потенциалом, провиденциальным по сути. Она возникла вследствие исторического парадокса. Российское общество, которое было вполне антиинтеллектуальным, “скалозубовским”, образовало исторически обусловленную и исторически ограниченную социальную нишу, позволяя заниматься мыслительной деятельностью, довольствуясь малым, в полной мере не заботясь о куске насущном в той степени, что характерна для интеллектуалов Запада, изначально ориентированных на запросы рынка интеллектуальных продуктов и услуг. Само рождение интеллигенции как социального слоя – итог сочетания несочетаемых факторов. В силу болезненного вхождения России в “равновесный” капитализм стало возможным возникновение большой группы критически творчески мыслящих людей, которые могли поддерживать свое существование, не производя рыночных продуктов. Вне всяких сомнений русские интеллигенты в большинстве самозабвенно трудились, создавая (и продавая) книги, музыкальные симфонии, учебные курсы, предлагая обществу интеллектуальные услуги и прочее, но собственно нравственное содержание их деятельности было, строго говоря, не продиктованным требованиями рынка, *внерыночным* (см. [Покровский, 1999]).

Ушел в прошлое подход к определению интеллигенции как профессиональной группы людей, занимающихся умственным трудом³. Сегодня очевидно: в обществе могут существовать большие группы, выражающие себя в большей мере и прежде всего в культурных и моральных устремлениях, бытовой морали, этике, характере межличностной коммуникации. Именно эту роль носителя образцов и норм «нематериальных» видов деятельности играла и играет интеллигенция. Д.С. Попов отмечает, что поскольку по формальным признакам в структуре общества эту группу часто выявить нельзя, на первый план выходит самосознание, ее самовосприятие, саморефлексия и самоидентификация. В конечном счете они становятся группообразующими признаками. С одной стороны, интеллигенция присутствует в жизни общества в виде культурных феноменов, нравственных императивов (пусть реминисцентных), артефактов. С другой стороны, интеллигенция не совпадает ни с одной реальной профессиональной или иной группой; самосознание превращается в формообразующий компонент виртуализированной группы [Попов, 2006]. Именно самосознание и самоидентификация – формообразующие признаки интеллигенции как социального явления. Это своего рода «облако смыслов», обладавших и обладающих большой исторической и социальной значимостью, охватывающих различные социальные и профессиональные группы, но опирающееся прежде всего на представителей умственного труда. При этом самовыражение интеллигенции происходило и происходит не только в «облаке смыслов», но и во внешних формах, включая материальную культуру, артефакты и пр., паттерны пространственного поведения, прежде всего в различных видах миграции. Позиционируя себя в пространстве, создавая анклавные расселения, интеллигенция маркирует свою социальную роль и производит косвенную самидентификацию по вторичным признакам.

Культура интеллигенции проявлялась в строе мысли, в принципах и идеалах, во внешних формах (они могут служить ее своеобразными индикаторами): высокая культура речи, культ литературы и книги (домашние библиотеки, литературные вечера и дискуссии), абсолюты образования и образованности, следование неформальному дресс-коду (скромность, высокий вкус), оброта и эстетичность интерьеров и пр. Наряду с этим – особые («интеллигентские») паттерны времяпрепровождения и рекреации: обязательное регулярное участие в культурных мероприятиях и событиях, стремление нести знания в массы. К числу внешних паттернов рекреации относилась уникальная российская дачная миграция, приобретающая характер социального явления⁴.

³ Данный подход был характерен для советского марксистского общественнознания, стремившегося поместить социальные явления в прокрустово ложе классовой структуры советского общества («рабочий класс – колхозное крестьянство – прослойка трудовой интеллигенции»). См. [Руткевич, 1977].

⁴ Летние дачи, дачная миграция и возникшая на этой основе российская дачная интеллигентская культура уникальны. Нигде в мире и никогда в истории дачные анклавные не имели такого распространения и не образовывали самостоятельного культурного и экономического уклада.

Первоначально это были обедневшие мелкопоместные усадьбы, потерявшие быстрое экономическое содержание, превратившись в места летнего отдыха горожан и интеллигенции. Эта коллизия нашла классическое отражение в пьесах А.П. Чехова «Чайка» (1895–1896) и «Вишневый сад» (1904), действие которых разворачивается в бывших усадьбах в исторический момент их перехода в формат дачи. Подмосковная усадьба самого А.П. Чехова «Мелихово» (ныне Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А.П. Чехова) может быть прекрасным примером своего рода транзита мелкопоместной усадьбы в летнюю дачу, предназначенную для творческой работы и отдыха. То же относится к усадьбе А.А. Блока в Шахматово в Солнечногорском районе Подмосковья.

Еще характернее «дачный кейс» российско-американского социолога П.А. Сорокина. Обосновавшись в 1931 г. в Винчестере (район Бостона) в качестве профессора социологии и декана социологического факультета Гарвардского университета, он в 1937 г. приобрел далекую дачу на берегу озера в соседней Канаде, на которой проводил летний отдых до конца жизни, притом без электричества и многих бытовых удобств, что было совершенно нетипично для профессуры престижного университета США. С точки зрения российского интеллигента, презиравшего материальные формы комфорта, это не могло вызывать возражений.

Характерно, что интеллигентские дачи в России отнюдь не походили на западные коттеджи (летние дома), как правило, дистанцированные от внешнего мира и не включенные в среду интеллектуального общения. Напротив, российская интеллигентская дача изначально подразумевала соседство с дачами подобного рода. В итоге возникновение сетевой структуры (выражаясь современным языком), поддерживавшей постоянную внутрисетевую коммуникацию: совместные походы «на природу», дискуссии за накрытым столом о смысле жизни и «путях России», любительские спектакли и другие интеллектуальные развлечения. Иными словами, интенсивная культурная жизнь в городе в зимнее время и межсезонье перетекала во внегородскую среду природы и дач⁵. Однако остается вопрос о том, почему именно у феномен летних дач столь органично вошел в культуру и паттерны миграции российской интеллигенции.

В какой-то мере ответ можно найти в первых абзацах романа Л.Н. Толстого «Воскресение» (1889–1899): «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, – весна была весною даже и в городе» [Л. Толстой, Полн. собр. соч., т. 32, с. 3]. Российский капиталистический город конца XIX в. и, прежде всего, обе российские столицы вызывали неприятие интеллигенции. Город являл собой «царство несвободы», зарегулированное имперской бюрократией, политическим сиском и давлением на личность, в том числе и экономических институтов. В противовес этому дачная жизнь на природе и в окружении интеллектуально близких, почти родственных душ создавала необходимое раскрепощение как предпосылку творческого процесса и самораскрытия личности. Таким образом, тренд дезурбанизации изначально содержался в наборе ценностей российской интеллигенции, он же остался, по большому счету, определяющим в формировании летней дачной миграции до наших дней.

После октября 1917 г., несмотря на слом социальной структуры российского общества и аннигиляцию основных культурных традиций прошлого, дачи как социальный институт и сопровождавшие его культурные паттерны не только не ушли, но в известной мере укрепились. Дачная миграция в летний сезон приобрела многослойный социальный характер (госдачи партийно-государственной номенклатуры, дачи «народной трудовой» интеллигенции, дачи среднего и мелкого служивого люда, садово-огородные товарищества заводов и др.). При этом советская интеллигенция словно «приросла» к дачной миграции еще больше, чем интеллигенция изначальная, дореволюционная. Можно полагать, что кроме рекреационно-оздоровительного значения

⁵ В пьесе «Дачники» (1904) М. Горький дал своеобразное гротесковое и в целом негативное описание дачного стиля жизни, что не мешает видеть в этой пьесе источник знаний о стиле жизни интеллигенции той поры и отчасти последующих времен.

советские дачи имели и внутренний смысл. Они позволяли хотя бы отчасти и кратковременно вдохнуть воздух свободы и выйти из-под пресса системы, которым была наполнена жизнь в социалистическом городе той эпохи.

Роль интеллигенции в сельской местности⁶

Участие досоветской и советской интеллигенции в жизни деревни. С дарованием вольности (свободы от службы) дворянству во второй половине XVIII в. оно стало разъезжаться по имениям. Большинство – для более полного извлечения феодальной ренты путем нещадной эксплуатации крестьян. Некоторые дворяне заметно улучшили агротехнику, организацию хозяйства и, публикуя свои мысли о нем и о крестьянах, «открыли» российскую деревню. Более того, А.Н. Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790), и Н.И. Новиков, издатель журнала «Живописец», откровенно описали тяготы крестьянской жизни. Это их Д.С. Лихачев назвал «первыми типично русскими интеллигентами».

Приведем три самых ярких примера их попыток модернизировать деревню. А.Т. Болотов получил разнообразное образование, сопровождая отца в военных походах, а впоследствии в Петербургском частном пансионе. Вернувшись после службы в имение отца в Тульской области, он увлекся сельским хозяйством, тщательно записывая наблюдения в тетради под названием «Экономический магазин», которые в 1780 г. были выпущены отдельными изданиями. Болотов печатался в трудах Вольного экономического общества, основал журнал, одним из первых обратил внимание на специфику экстенсивного земледелия России: «Затвержено у всех: для преумножения хлеба надобно земли больше. Но не требуется ли к тому надлежащее число работников? Не следует ли само собой, что удобрение земель важнее приумножения оных?» В своих трудах он заложил основы агрономии в России. Став впоследствии управителем Богородицкой волости, он основал пансионат для обучения городских и крестьянских детей, создал в Богородицке, который был «ни селом, ни городом», театр [Новиков, 1992].

Гораздо более известен попытками поднять сто лет спустя русскую деревню не только с точки зрения сельского хозяйства А.Н. Энгельгардт, благодаря тому, что в «Отечественных записках» и «Вестнике Европы» печатались его «Письма из деревни». Высланный из Петербурга, где он преподавал химию, в свое имение Батищево в Смоленской области за вольномыслие, он ужаснулся запустению смоленских деревень [Филоненко, 1992] и призвал молодых интеллигентов, «кающихся дворян», осесть на земле, предложив им переехать из столицы в свое имение. «Интеллигентный человек нужен земле, нужен мужику... Великое дело предстоит интеллигентным людям. Земля ждет их, и место найдется для всех» [Энгельгардт, 1960]. Было создано несколько поселков интеллигентов вокруг Батищева, но к 1884 г. коммуны распались, дальше разговоров дело не шло. Энгельгардт отказался от социального эксперимента, хотя «хождение в народ» стало популярным среди интеллигенции. Но главным было то, что в «письмах» он описал истинную деревню со всеми ее особенностями, достоинствами и недостатками.

А. Фет примерно в то же время потрясал умы общественности своими «письмами» из деревни. Как публицист он известен потомкам меньше, чем как поэт. А ведь Фет был одним из первых российских фермеров. Это потом он получил в наследство поместье отчима, а начал именно как фермер, купив в 1860 г. (смутное переходное время) хутор Степановку в Мценском уезде Орловской губернии. Он создал образцовое хозяйство, основанное на вольном найме крестьян, опыт доходного производства в условиях России описал в серии журнальных очерков, собранных под одну обложку в книге «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство». Его афористичные суждения весьма современны. «Немцы все делают и берегут руками да капиталом, а мы достигай того же нравственным уровнем»; «Чтобы правильно судить о положении современного сельского хозяйства, надо навсегда выбросить из головы всякие образы и соображения другого порядка вещей и сказать себе: это коммерческое предприятие, подобно всякому другому, ни более, ни менее»; «Вечный опыт показывает, что никакая регламентация не может соперничать результатами с конкуренцией»; «Вместо того чтобы умненько сеять хлеб

⁶Раздел написан Т.Г. Нефедовой по проекту РФФИ Института географии РАН № 14-18-00083.

и возделывать землю, ограничивались тем, что ширили во все стороны пашни»; «Привыкшие в столицах к громадному, непрестанному движению капиталов не хотят понять, каким образом целая необъятная местность, без различия сословий, в продолжении месяцев сидит без копейки»; «Все отдельные желания чисты и прекрасны, а осуществите их одновременно, как это бывает в жизни, глядь – все помутилось и вышла сегодняшняя действительность» [Фет, 2001].

Помимо ярких личностей-интеллигентов из помещиков, ведущих образцовое хозяйство, собственно сельская интеллигенция – учителя, врачи, землемеры отчасти священник и некоторые другие категории – была весьма немногочисленна. Исключение составили лишь попытки создания земской медицины [Лейкина-Свирская, 1981]. Усилия разночинцев вытащить крестьян из невежества также часто оказывались неудачны, в том числе из-за бедности.

В советское время воздействие интеллигенции на жизнь деревни сильно изменилось прежде всего из-за трансформации самой интеллигенции. Отношение к старой интеллигенции, «интеллигентам, лакеям капитала, мнящим себя мозгом нации», ярче всего выразил В.И. Ленин: «На деле это не мозг, а говно»⁷. В раннесоветское время при росте числа людей с высшим и средним специальным образованием появились понятия «рабочий-интеллигент», «колхозник-интеллигент», а сведение нефизического труда служащих к рутинному исполнению понятие интеллигенции почти девальвировало [Титма, 1980; Кутырева, 1984].

Тем не менее появилась и новая сельская интеллигенция, которую спешно готовили из рабочих и крестьян. Слабая культурная инфраструктура в деревне не позволяла сельской интеллигенции даже при желании поддерживать интеллектуальный уровень и постоянное саморазвитие. К концу советского периода сельская интеллигенция разделилась на две группы [Кутырева, 1984]: производственная (руководители колхозов и совхозов, агрономы, зоотехники, инженеры, экономисты) и непроизводственная (учителя, врачи, работники клубов, библиотек). Отток специалистов из села был очень сильный, особенно молодых, и одной из причин была неудовлетворенность культурно-бытовой сферой. Специфика сельской интеллигенции в том, что она обычно не изолирована от массы населения и по условиям жизни, и по мировоззрению. Иное дело – новые вливания интеллигенции в сельскую среду в виде городских дачников.

Дачники в деревне. «Блажен русский интеллигент, живущий не в деревне, а на даче» (А.П. Чехов из письма А.С. Суворину, 1897, Мелихово). Традиция жить зимой в городе, летом на даче имеет в России глубокие корни. Образцы загородного житья горожан задавала элита, они передавались по принципу эстафет [Lovell, 2003, Нефедова, 2015]⁸.

С постройкой железных дорог много дач появилось в окрестностях Москвы, Петербурга и между ними [Первушина 2012]. Переход от поместий к дачам разночинная интеллигенция. На рубеже XX в. дачи становятся столь массовым явлением, определенно обозначившая свою внегородскую траекторию. Газеты писали о «великом дачном переселении», когда за город стали выезжать люди разного достатка и интеллектуального уровня. К 1917 г. число подмосковных дач составляло около 20 тыс. [Хауке, 1960]. В некоторых имениях с целью получения доходов специально выделялись и продавались участки под дачи, например, в имении графа Кейзерлинга под Петербургом, в Всехсвятском, Сходне, Фирсановке под Москвой [Путешествие, Кн. 1, 2015]. Были и анклав творческой интеллигенции, например, дача А.К. Толстого в усадьбе Пустынька под Петербургом, куда съезжались многие известные литераторы. В поселок Сиверский (современный Гатчинский район) любили приезжать в гости к друзьям А. Ахматова, А. Блок, А. Белый, М. Горький, К. Чуковский написал там «Муху Цокотуху». В 2009 г. здесь был открыт Сиверский историко-бытовой музей «Дачная столица», посвященный дачному быту разных эпох. «Академическая дача» им. И.Е. Репина к северу от Вышнего Волочка превратилась в XX в. в творческую мастерскую художников. Такого рода анклав творческой интеллигенции в деревне и теперь, как и прежде,

⁷ Ленин. Из письма к Горькому, 1919.

⁸ В качестве примера поместья-дачи можно привести имение Знаменское-Раёк к югу от Торжка, хозяева которого Глебовы-Стрешневы жили в Москве и имели «ближнюю дачу» в нынешнем Покровском-Стрешнево.

не только способствуют дополнительной занятости местного населения, но и создают особую творческую среду.

В советской России главным стимулом расширения дач, помимо рекреационно-экологического, был продовольственный. В постсоветское – добавился инвестиционный стимул [Трейвиш, 2015; Нефедова, 2015]. Наиболее массовыми стали садовые товарищества (ныне в них 15 млн семей, почти половина горожан) с весьма смешанным населением. Первоначально в большинстве своем ведомственные, среди которых особо выделялись «интеллигентские» поселки творческих союзов, НИИ и вузов, со временем садовые товарищества потеряли свою «цеховую» определенность. Изменился и внешний вид дачных поселков. Хотя и сохранились кое-где старые деревянные дачи начала-середины XX в., но определяют лицо субурбии все-таки новые каменные коотеджи и виллы. Усилился и другой тренд – покупка горожанами домов в деревнях. Расширение дачного строительства в России, поимому давней традиции, связано и с феноменом быстрой и незавершенной урбанизации. Крупные города продолжают расти и привлекать мигрантов с периферии. Коренные жители городов все в большей мере склоняются к ценностям дезурбанизации. Наилучшим выходом для совмещения достоинств городского и сельского образа жизни в российских условиях и стала жинь на два дома, усилившая мобильность российского населения [Нефедова и др., 2015; Между домом..., 2016].

В пригородах, например, в Подмосковье численность дачников оценивается в 3–4 млн чел. при 1,4 млн сельского населения Московской области [Махрова, Кириллов, 2015; Нефедова, 2015]. Социальный состав ближних дачников разнороден, хотя сохранились кластеры советской интеллигенции, например, подмосковные поселки (дачные кооперативы) писателей и композиторов Переделкино и Пахра, старая Руза ДСК «Актер» близ Вороново, поселок академических ученых Мозженка, и др. Возникшие поначалу как госдачи, выдаваемые пожизненно, они впоследствии разбавлялись частными домами и разным людом. Все «ближние» дачи в пригородах крупных городов из-за своей массовости полностью преобразуют сельскую местность. При этом они, как правило, отгорожены от сельского населения и физически (высокими заборами), и психологически, приглашая для строительных и прочих работ бригады иностранных рабочих или отходников из других регионов России.

Иное дело удаленные дачи в 300–700 км от городов. Здесь влияние дачников на сельское окружение велико, а среди владельцев больше лиц творческих интеллектуальных «свободных» профессий. Поскольку на дальнюю дачу на выходной заглянуть трудно, здесь обычно живут подолгу.

Влияние городских дачников на сельскую местность Нечерноземья. Современное сжатие освоенного сельского пространства обусловлено двумя основными факторами: сокращением сельского населения и экономической его поляризацией, сдвигом сельского хозяйства в южные районы, лучше обеспеченные ресурсами. Их действие заметно в большинстве районов России, но особенно в Нечерноземье, где местное население все больше замещается сезонным дачным.

Основными методами нашего исследования удаленной сельской местности и появления в ней городской интеллигенции служили непосредственное посещение деревень в Костромской области и других регионах и интервью с представителями сельской администрации, дачниками и местными жителями. Первый подробный опрос был проведен на базе Сообщества профессиональных социологов в Угорском и Леонтьевском сельских поселениях Мантуровского района Костромской области в 2008 г. [Нефедова, 2008]. Было опрошено с помощью студентов 80 местных домохозяйств (20% домохозяйств в исследуемых деревнях) и 30 наличных дачников по специальным опросникам. В 2014 г. провели повторный опрос 29 дачников.

В Угорском сельском поселении – 10 деревень, до Москвы 550 км – осталось 12% населения начала XX в. [Покровский, Нефедова, 2013]. Ориентация сельского населения на города ярко выражена. На вопросы “Хотели бы вы, чтобы ваши дети жили в городе” отрицательно ответили лишь 15% опрошенных. Назвать эту местность крестьянской сложно. В трех четвертях домохозяйств местных жителей, в основном, старше 50 лет, дети живут в городах, хотя навещают родителей, привнося плоды городской культуры. Горожане-дачники – половина собственников земельных участков поселения, а в малых деревнях – 70–90%.

Дачное сообщество в удаленной костромской глубинке начало формироваться с 1970–80-х гг. стихийно. Дачный бум фиксируется с середины 1990-х и в 2000-х гг. Преобладают горожане среднего и старшего возраста, среднего достатка, их род деятельности чаще связан с научной работой, преподаванием, журналистикой, искусством с относительно вольным трудовым режимом. Поначалу формировались своеобразные профессиональные интеллигентские сообщества в отдельных деревнях: за «первопроходцами», купившими случайно дом, приезжали друзья и коллеги. Впоследствии узкая «кластеризация» размывалась. 85% дачников даже на этой дистанции от Москвы – москвичи.

Изменение баланса между постоянным сельским и новым непостоянным городским населением в деревнях привело к переосмыслению роли местной истории и культуры, ценностей ландшафта, значения сельских традиций. Причем инициаторами сохранения культурного и природного наследия выступают в первую очередь горожане-дачники. Власти озабочены в основном сохранением отдельных архитектурных или исторических памятников. Правда, с начала 1990-х гг., благодаря распространению идей Конвенции об охране Всемирного природного и культурного наследия, в качестве ценности стал рассматриваться и культурный ландшафт [Культурный ландшафт, 2004: 7].

При тающем сельском населении и редкой сети городов огромные территории оказываются как бы «вычеркнутыми» из активной социальной и экономической жизни. В Костромской области за пределами пригородов пятая часть деревень не имеют постоянного жителей, в 35% деревень живут менее 10 человек.

Возникает вопрос: кто сохраняет разрушающиеся северные дома и целые деревни при сильном не только количественном, но и качественном истощении местного населения, и кому это нужно? Это становится возможным благодаря сезонному присутствию в деревнях городской интеллигенции, которая (в отличие от нуворишей), как правило, не строит огромные особняки, разрушающие традиционный вид деревень, а обустривает деревенские дома, минимально меняя их внешний вид. Ради деревенской идиллии она и приезжает регулярно в такую даль.

Опросы показали, что главным достоинством приехавших горожан местные жители считают то, что дачники поддерживают и облагораживают дома, сохраняя деревни [Нефедова, 2008, 2013]. Горожане бережно хранят артефакты бытовой деревянной культуры, которые находят в домах. Дачники и немногочисленные представители местной интеллигенции пытаются создавать музеи предметов деревянной материальной культуры начала XX в. Старшее поколение местных их хранило, а молодежь, стремящаяся в города, все чаще сжигает. В ответах на вопросы о сохранении традиций городские дачники выказали гораздо большую озабоченность, а местные жители затруднились ответить или ответили, что традиций нет. Именно городская интеллигенция становится адептом сохранения остатков материальной культуры.

Отношение к дачникам местного населения в основном положительное (61%). Никто не дал негативных оценок. Остальные проявили индифферентность. Дачники-интеллигенты, как в былые времена, несут просвещение в деревню: занимаются с немногими сельскими детьми, дают уроки работы на компьютерах, рукоделия и т.п. Организуют лекции, на которые, как в былые времена, собирается дачное население из окрестных деревень, приходят некоторые местные жители. В Костромской области в районах Антроповском и Мантуровском созданы базы научных исследований с проведением конференций и летних школ для студентов. На ежегодные конференции Угорского проекта, проходящие в деревенских избах на переоборудованных сеновалах, собираются в разные годы от 30 до 70 человек [Покровский, Нефедова, 2013]. Поскольку она посвящена проблемам сельской местности, в том числе. Костромской области, приезжают социологи, социальные географы и биологи, экономисты из Москвы, Петербурга, других городов, приходят дачники, представители поселковой, районной, даже региональной администрации, сельские учителя, врачи. Такого рода мероприятия, как сто с лишним лет назад, служат важным каналом взаимодействия городской и сельской интеллигенции. Статьи в журналах, издание научных и научно-популярных книг⁹, которые

⁹ См. [Потенциал Ближнего Севера, 2014; Ойкумена Ближнего Севера России, 2016; Покровский, Нефедова, 2013], а также сайт Угорского проекта www.ugory.ru.

читают городские и местные жители (у дачников и местной интеллигенции они нарастают), способствуют донесению проблем современной деревни до общественности.

Перенос части интеллектуальной деятельности интеллигентов-горожан в деревню даже при сезонном пребывании и упадке хозяйства села заметно меняет социальное и культурное пространство сельской местности, преобразуя его из иерархического в сетевое. Центры социальной жизни перемещаются из крупных населенных пунктов в деревни с активными дачниками [Нефедова, 2013], – явный признак перехода к постиндустриальному развитию деревни.

Главное противоречие в ценностных установках местных и дачников в том, что для них важны разные пласты традиций. Местное население ностальгирует по колхозным временам с обширными полями, обилием скота. Тогда современные бабушки были молоды, жизнь их была заполнена работой. А дачных интеллигентов умиляют полузаброшенные дачающие ландшафты, деревянные избы. Разрешение противоречия происходит спонтанно. В результате разрушения советской экономической системы землепользования в Угорском поселении посевои и поголовье крупного рогатого скота уменьшились более, чем в 10 раз. Колхозный пласт постепенно уходит, отдельные предприятия в других поселениях сохраняются чаще как филиалы костромских и московских агрохолдингов. Потенциал традиционного личного подсобного хозяйства местных жителей низок. Опросы местных домохозяйств показали, что за 1990–2000-е гг. повсеместно сократилось производство в личном подсобном хозяйстве [Нефедова, 2008]. На вопрос о готовности расширять хозяйство при наличии кредитов, дотаций и т.п., положительно ответили 14% опрошенных (в основном, среднее и старшее поколение). Фермеров из своей среды местное население не производит. Немногие фермеры – приезжие из бывших советских республик и городов. В такой ситуации горожане становятся экономической опорой сельской местности. При безработице (во многих селах до 30%), не фиксируемой официальной статистикой, местные жители ценят дачников за возможность продать им грибы и ягоды, подработать на ремонте домов. Правда, готовы к такой работе единицы. Даже при низких налогах на недвижимость горожане, как правило, оформляют собственность, что дает малую прибавку местным бюджетам. В летние месяцы активизируется торговля, – поддержка малых городов и малого бизнеса в деревнях. Некоторые дачники вкладывают средства в ремонт сельской инфраструктуры, поддерживают кредитами местных.

Прямое участие городской интеллигенции в сельской жизни редко; пример: восстановление потомками дворянского рода Качановых усадьбы Хвалевское в Бабаевском районе Вологодской области. Выкупив и отремонтировав полуразрушенный дом, новые хозяева озаботились восстановлением территории усадьбы и огромного парка, развитием села, на окраине которого находится усадьба. А проблемы там типичные для Нечерноземья: из 1,5 тысяч трудоспособного населения почти 1,2 тысячи не работают или работают на отходе. Разрабатывается план реконструкции села и усиления его привлекательности в том числе с туристическими, культурными и научно-организационными целями, стимулом чего может стать сама усадьба.

Есть убежденные переселенцы из крупных городов в сельскую глушь “дауншифтеры”, но их мало. По сравнению с миллионами дачников – капля в море. Зато это люди активные, ими заполнен Интернет, что создаёт иллюзию некоей волны. Чаще это интеллигенты, бросившие городские занятия, престижную работу совсем или частично ради сельской жизни. Некоторые пытаются совмещать творческие городские занятия с жизнью в деревне. Но сохраняют за собой городские квартиры, в т.ч. ради дополнительного дохода. Как правило, у них есть второй дом в деревне, и теперь они живут там весь год. Иные покупают дома в дальних деревнях (имея ближнюю дачу) именно с целью усилить сельскую составляющую жизни. Имея образование, они хотят быть полезными: работать в школе, участвовать в общественной жизни. Хозяйство, даже подсобное, у них не интенсивно, хотя встречаются те, кто мечтает именно о сельском хозяйстве, заводит скот, арендует землю, выращивает новые сорта растений. Горожане подходят к любым делам творчески, применяют новые технологии, осваивают новые виды продуктов. Все это нарушает привычный стиль жизни в деревне и вызывает глухое сопротивление чиновников и местного населения. Опыт горожан, кто живет в деревне не первый год, показывает: вписаться в местное сообщество трудно. Главной средой их общения остается дачная интеллигенция.

Заключение. Волны расширения освоенного пространства, главным образом связанные с дачниками, приводят к выборочному очаговому реосвоению депопулирующих территорий, не останавливая тотального сжатия освоенного пространства. Среди дачников следует выделить городскую интеллигенцию, которая живя сезонно в дальних деревнях, сохраняет не только дома, но оживляет деревни и частично культурное наследие. Вокруг этих очагов может заново возникнуть новая экономика, в сельское хозяйство, в небольших объемах, продиктованных нуждами обслуживания сельской местности и малых городов. Экологически чистая продукция востребована и в крупных городах, несмотря на дороговизну.

Перспективы дачного освоения городской интеллигенцией удаленных сельских районов неясны. В случае изменения налоговой политики содержание дач может стать непосильным бременем для владельцев. Если в стране не произойдет социально-экономических катаклизмов, стимулирующих бегство из городов, волны дачного освоения удаленных районов могут начать спадать. Приклонный возраст многих современных дальних дачников становится препятствием к передвижению на большие расстояния.

В опросе наличных дачников Угорского поселения летом 2014 г. утверждать с уверенностью, что дети «прирастут» к этим местам, как их родители, смог лишь каждый десятый дачник. 20% сообщили, что дети, скорее всего, будут приезжать, около половины опрошенных не могли ответить на вопрос, остальные уверены, что дети продадут (забросят) дом. Все будет зависеть от того, в каком возрасте они получают это наследство, каковы будут их материальное положение, в частности, и экономическая ситуация в страны. Очевидно, на стремлении к жизни в удаленной деревне сказываются поколенческие различия: проводить значительную часть времени на природе готовы люди преклонного возраста и их внуки. На вопрос: «Хотели бы вы жить на дальней даче постоянно?» половина опрошенных затруднилась ответить, треть отказывается, немногие согласны при условии улучшения дорог, сферы услуг (магазины по заказам, медицинская помощь, широкополосный Интернет и т.п.). Власти в последние годы взяли курс на укрупнение сельских администраций и централизацию услуг в райцентрах и крупных селах. Малые деревни при плохих дорогах и отсутствии транспорта выпадают из зоны обслуживания. В Угорском поселении объединение с соседним Леонтьевским в 2011 г. «удалило» небольшие дачные деревни от центра поселения с 5–7 до 15–20 км.

Без инноваций сельская местность развиваться не может. Инновации связаны не только с модернизацией производства, внедрением новых технологий но и с появлением людей в деревне. Многие социальные новации не противостоят традициям. Главное, чтобы они укладывались в оболочку традиций данного места. По А.Б. Гофману [2002] “традиционные инновации” и “инновационные традиции” вполне реальны. Пример – современная дачная интеллигенция в удаленных деревнях, положительно влияющая на сельскую местность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гофман А.М. Модернизации, традиции и инновации // Сорокинские чтения. Актуальные проблемы социологической науки и социальной практики. М.: 2002.
- Интеллигенция и власть: Сб. статей / РГГУ. Социологический факультет. Центр социологических исследований; Под общей редакцией Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2008.
- Интеллигенция и идеалы российского общества: Сб. статей / РГГУ. Социологический факультет. Центр социологических исследований; Под общей редакцией Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2010.
- Кутырева А.А. Сельская интеллигенция как субъект культурного развития современной деревни. Автореферт дисс. ... канд. филос. наук, М., 1984.
- Культурный ландшафт как объект наследия. М.–С.–Петербург: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2004.
- Левичева В.Ф. Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 3–13.
- Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. М.; Мысль, 1981.
- Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация населения Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценке // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 117–125.

- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Общ. ред. и сост. Т.Г. Нефедовой / авт.: К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов, А.Г. Махрова, А.А. Медведев, А.С. Неретин, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2016.
- Мыслящая Россия: интеллектуально-активная группа / Под общ. ред. В.А. Куренной. М.: Наследие Евразии, 2009.
- Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей. Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / Ред. Н.Е. Покровский. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008.
- Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS-ЛЕ-НАНД, 2013.
- Нефедова Т.Г. Дачи в России: полимасштабное исследование // Демоскоп-Weekly. 2015. № 657–658 (5–18 октября).
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
- Новиков С. Андрей Тимофеевич Болотов // Сеятели и хранители. Очерки об известных агрономах, почвоведях, селекционерах, генетиках, экономистах-аграрниках. Кн. 1. М.: Современник, 1992. С. 96–108.
- Ойкумена Ближнего Севера России / Общ. ред. и сост. Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова. Авт. К.В. Аверкиева, Л.М. Баскин, А.В. Дроздов, С.Т. Жуков, В.А. Зайцев, Т.Г. Нефедова, Н.Е. Покровский, Е.С. Преображенская, А.И. Трейвиш. М.: Университетская книга, 2016.
- Организация и самоорганизация интеллигенции в современном российском обществе / РГГУ, Социол. фак-т, Центр социол. исслед. / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. М.С. Цапко. М.: РГГУ, 2013.
- Первушина Е.В. Усадьбы и дачи Петербургской интеллигенции XVIII – начала XIX века. СПб.: Паритет, 2012.
- Покровский Н.Е. Прощай, интеллигенция // На перепутье (Новые вехи): Сб. статей. М.: Логос, 1999.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. «Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах ближнего севера России // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 13–35.
- Попов Д.С. Проблема самосознания современной российской интеллигенции: траектории трансформации. Автореф. ... канд. социол. наук. Москва, 2006.
- Попов Д.С. Основные направления концептуализации понятия “интеллигенция” // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под общ. ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007.
- Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014.
- Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М.: URSS, 2015.
- Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Ленинградское газетно-журн. изд., 1949.
- Романович Н.Э. Дихотомия отношения интеллигенции к власти // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 68–77.
- Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977.
- Титма М.Х. К вопросу о социальной дифференциации в развитом социалистическом обществе // Социологические исследования. 1980. № 3. С. 36–44.
- Трейвиш А.И. Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение // Демоскоп Weekly. 2015. № 655–656 (21 сентября – 4 октября).
- Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Филоненко И. Александр Николаевич Энгельгардт // Сеятели и хранители. Очерки об известных агрономах, почвоведях, селекционерах, генетиках, экономистах-аграрниках. Кн. 1. М.: Современник, 1992.
- Хауке М.О. Пригородная зона большого города. М.: Гос. Изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960.
- Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. М.: Алгоритм, 2010.
- Budnik G.A. Social Memory of Intelligentsia: the Problems of Preserving // International Journal of Applied and Fundamental Research, 2014. № 2.
- Kochetkova I. The Myth of the Russian Intelligentsia: Old Intellectuals in the New Russia. New York: Routledge, 2009.
- Lovell S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. London: Cornell University Press, 2003.
- Zubok V. Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia. Harvard University Press, Cambridge, 2011.

[Главная](#) > > [Журналы. Оглавление](#)

 [версия для печати](#)

Социологические исследования. 2016. № 12

>> [Архив выпусков](#)

Содержание выпуска

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Карачаровский В. В., Шкаратан О. И.

[Формируя национальный коллективный капитал: о прямом и косвенном участии граждан в воспроизводстве социально значимых благ \(3-13\)](#)

Шабанова М. А.

[О социальном механизме становления новых потребительских практик в России \(14-25\)](#)

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

Горшков М. К.

[Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход \(статья 1\) \(26-34\)](#)

Девятко И. Ф.

[Социальные нормы: от попыток определения к новым типам теоретических вопросов и теорий нормативного \(35-43\)](#)

Кирдина С. Г., Клейнер Г. Б.

[Социальное прогнозирование как междисциплинарный проект \(44-51\)](#)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Нефедова Т. Г., Николаева У. Г., Покровский Н. Е.

[Интеллигенция в пространстве внегородской России \(52-61\)](#)

Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Сорокин П. С.

[Социальные институты: опыт анализа социальных изменений сел в Белгородской области \(62-68\)](#)

Певная М. В.

[Управление российским волонтерством: сущность и противоречия \(69-77\)](#)